

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА Е. Е. ЛАЧИНОВА О ПУТЕШЕСТВИИ А. П. ЕРМОЛОВА В ИРАН В 1817 г.

Среди материалов архивного фонда Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа сохранились до сих пор не изданные записки декабриста Е. Е. Лачинова о путешествии «Российско-императорского посольства» во главе с А. П. Ермоловым в Персию в 1817 г.

Евдоким Емельянович Лачинов (1799—1875) после трехлетней учебы в Московском университете поступил в 1816 г. в Московское училище колонновожатых, основанное Н. Н. Муравьевым в том же году. Однако вскоре Лачинов был отправлен в распоряжение командира Отдельного грузинского (кавказского) корпуса и чрезвычайного посла в Персии А. П. Ермолова, который, как известно, в 1817 г. с большой свитой посетил Иран. Одним из членов этой свиты стал молодой офицер, топограф, будущий декабрист Е. Лачинов. Сам автор записок рассказывает: «С 1816 г. поступил я к генералу Муравьеву. Усердно принялся за лекции и за новое для меня занятие—топографическую съемку. Алексей Петрович Ермолов отправлялся послом в Персию. К свитским офицерам, посылаемым при посольстве, приказано командировать двух из нашего заведения; назначение пало на произведенного в прапорщики Воейкова и на меня, представленного в колонновожатые. В Воронеже явились мы к Ермолову, который счел, что мне не более 14 лет и не хотел брать из Грузии с собою в Персию, где, говорил он, нужны не дети, а люди, знающие свое дело. Однако, исполнив до весны некоторые поручения, я не был исключен из его свиты».

Сопровождая в числе других «русского посла», Лачинов составил «Дневник следования посольства». Здесь мы находим сведения о многих городах и селах Армении, Азербайджана, Ирана, о персидских войсках, о шахе и его небезызвестном сыне Аббасе Мирзе и пр. Особый интерес представляют строки, посвященные городам Эчмиадзину, Еревану, Тавризу, бедственному положению населения, а также искусству и обычаям персиян.

О посольстве Ермолова писали М. А. Коцебу (*Reise nach Persien mit der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817, Weimar, 1819*), В. Бородин (Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году, СПб., 1821), А. Е. Соколов (Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии, Москва, 1910), А. П. Ермолов (Записки генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1818 году, Москва, 1866) и другие. Но несмотря на это, публикуемые ниже записки Е. Лачинова дают много нового не только о посольстве, но и об Армении, Азербайджане и Иране того времени.

Проф. М. Г. ПЕРСИЯН

ДНЕВНИК СЛЕДОВАНИЯ ПОСОЛЬСТВА

17 апреля 1817 г. посольство выступило из Тифлиса, чрез селения Коды, Эмир-Айвазлы, Ах-керпи (Белый, по-солдатски Бабий, мост), горы Ахзе-беюк и Безобдал, селения Караклис, Бекант, Гумри (нынешний Алексадраполь), 30 апреля вошло в Эриванскую область. Верстах в пяти от пограничного селения Талыни встретили посла Аскиер-хана, назначенного приставом, и Субханкули-хана; при них более ста человек.

Развалины Талыни показывают прежнюю обширность этого селения. Оно разорено во время войны, при князе Цицианове, память о котором еще свежа в Грузии и смежных землях. Перед проездом посольства в развалинах довольно больших зданий и в крепости поселены 6 дворов жителей, которые вслед за нами, вероятно, возвратятся в свои постоянные жилища. Развалины древних зданий в Армении удивляют. Огромные камни плотно притесаны один к другому; цемента не видно. Есть церкви, построенные за одну тысячу лет, и некоторые из них, оставленные без поддержки, местами обрушиваются, но не разрушаются.

1 мая вступили мы в первопрестольный армянский монастырь Эчмиадзин, близ Арарата, по-татарски Учъ-килиса (три церкви) по числу в нем церквей. Монастырь с садом окружен довольно высокою каменною стеною с бойницами. Место прекрасное, вода чистая, здоровая. Строения большею частью в два этажа, но есть и в три. Патриарх, глава Армянской церкви, имеющий в этом монастыре постоянное жительство, встретил посла версты за две от монастыря и, несмотря на свою дряхлость, не сел на дрожки, предлагаемые ему генералом, а со всею свитою ехал верхом. Впереди шли 12 его телохранителей, а еще впереди несли хоругви. При входе в монастырь ожидало духовенство в полном облачении и с пением молитв проводило посла в назначенные ему комнаты.

Монастырь этот очень богат и был бы гораздо богаче, если бы Эриванский сардар (главнокомандующий) не обирал его. Кроме патриарха, в нем живут четыре архиерея и много духовенства. От Эчмиадина до Эривани 15 верст и на пятой от монастыря ожидал брат Эриванскаго сардара Гассан-хан с конницею около 3 т. В этом числе были кочующие курды, лучшие персидские наездники. Эриванская область не выставляет столько конницы и, вероятно, много мирных граждан красовалось в рядах воинов. Парадному вступлению посольства в Эривань помешал сильный дождь. В версте от города стояла регулярная персидская пехота (сарбазы), которую обучают англичане, но трудно сделать из персиянина хорошего солдата. При пехоте ожидал посла полномочный сардар Эриванский и проводил его до города, а через день сделал визит послу, который через час поехал к нему со всею свитою. Сардар угощал завтраком и пригласил на следующий день к себе в сад, где опять давал завтра-

рак, а посол угощал мороженым, шоколадом и ликерами. Посольская музыка сменялась персидскою и пляскою мальчиков. Персидская музыка, пляска и одежда плясунов казались нам дикими.

Эривань — обыкновенный азиатский город. Улицы тесны, дома скрыты в садах, которых очень много. Торговля довольно обширная, лавки с товарами изрядные.

7 мая перешли верст 20 до дер. Дюгюн, куда выслан почетный караул сарбазов. Потом чрез сел. Девалу, Норашен, Хок в Нахичевань 11 мая. Верстах в 12 от города встретили сыновья Кербали-хана, начальника Нахичеванской области, а под городом и сам старик. Ему прежний шах, Ага Магомет-хан, выколол глаза.

Нахичевань гораздо меньше Эривани. Местоположение хорошее, садов много. В городе есть башня, сажень в 20 вышины и около ворот с двумя колоннами той же высоты. По преданию, ворота и башня построены Тамерланом. От Нахичевани прошли 13 мая до реки Аракса, близ древней Джульфы; потом к развалинам крепостцы и 15 мая в г. Маранду, верстах в трех от которого встретил Назар-Али-хан. Тут показывают в мечети гроб жены Ноевой.

Из Маранды 17 мая в Софиян, Соглан и 19 мая в Тавриз, резиденцию шах-заде Аббас-мирзы, наследника персидского престола. От Нахичевани до Маранды верст 85, от Маранды до Тавриза верст 60 (выходит, что от р. Аракса, нынешней нашей границы со стороны Нахичевани, до Тавриза верст 120).

Верстах в десяти от Тавриза началась встреча: артиллерия, сарбазы и конница были растянуты по дороге, а верстах в трех ожидали визирь и другие сановники. Аббас-мирза, желая видеть посольство, ехал позади войск, завернувшись в плащ. Это закрывание обратило внимание, и некоторые из наших, заметив лицо всадника, узнали в нем шах-заде при представлении к нему. Англичане — начальники артиллерии и пехоты — сопровождали генерала до квартиры, назначенной для посольства в доме визиря.

21 мая, в 11 ч. утра, посол со всею свитою представлялся Аббас-мирзе. На внутреннем дворе, под окном приемного своего покоя, под спущенною маркизою стоял он в ожидании посла. Надо сказать, что при предварительных совещаниях о церемониале персияне требовали, чтобы посол и свита его при входе в комнаты шах-заде сняли сапоги и надели красные чулки, по их обычаю, которому подчиняются англичане. Но генерал объявил, что он представится не иначе, как представляется своему государю и, конечно, более от него никто не может ни требовать, ни ожидать. Не зная еще, как будет принят посол шахом, Аббас-мирза опасался допустить нарушение этикета, позволив нам сапогами попить свои великолепные ковры, и сдипломатизировал встречу на дворе и стоя. Мы не могли не догадаться, по поклонам до земли сопровождавших нас вельмож, что под маркизой стоял сам наследник: но генерал, желая показать, что не ожидал встречи на дворе, сказал нам «не снимать шляп, пока я не сниму» и проходил в комнаты. Надо было видеть суматоху

придворных и затруднение самого Аббас-мирзы, пока Алексей Петрович не поворотил к нему. О делах не могло быть переговоров с Аббас-мирзою, и потому все ограничилось любезностями и поименным нас представлением. На другой день был смотр артиллерии, ее стрельбы в цель и джигитования куртинцев, действительно лихих наездников. Затем шах-заде пригласил к себе в сад; войдя в беседку, предложил генералу приказать офицерам выйти в другую комнату пить чай и получил в ответ, что теперь не время нашего чая. Принц не отгадал причины такого ответа и с тем же условием предложил шербет. На это уже генерал объявил, что если необходимо выходить офицерам, то и он пойдет с ними. Угостили и нас в присутствии его высочества. 23 мая был огромный фейерверк, расположенный слишком тесно, и потому все загорелось разом. Дым, смрад, треск и возможность обжогов и контузий, но обошлось благополучно. В оба выезда лошади под свиту, в богатых уборах, присылались из конюшни Аббас-мирзы.

26 мая выехали мы из Тавриза. Парада не было. 28-го в Уджан (верст 50 от Тавриза), где назначалось пробыть недели две, чтобы не приехать в Султанню прежде шаха, который прибудет туда не ранее 10 июля. Но генерал не соглашался, и 5 июня мы отправились далее. Надо прибавить, что все начинания шаха располагаются по вычетах придворных звездочетов о счастливых и несчастных днях. Уджан — легкое пребывание Аббас-мирзы с порядочным дворцом. Ежедневный сильный ветер охлаждает воздух и среди лета здесь не чувствуют обременительных жаров.

Верстах в 40 от Уджана, в Синджил-абаде, представился генералу полковник индийской компании, начальник штаба Бомбейской провинции Джонсон с рекомендательным письмом от английского поверенного в делах капитана Виллока. Следующие два дня он и его товарищ капитан Сальтер пробыли у нас в лагере и, снабженные письмами в Грузию и Россию, отправились далее. Они много рассказывали об Индии, рассуждали о Персии, соглашаясь с нами, что она невыносима для жизни.

Синджил-абад окружен горами, довольно крутыми, но такие крутизны не в диковинку и у нас. Однако, всходя на наши горы, не чувствуешь такой усталости, как здесь: пробежишь несколько шагов, и одышка ужасная, дух почти захватывает. Причина тому — общая возвышенность местности. Дни довольно жарки, но вечера сыры, а ночи холодны и в половине июня у нас жарче. В саду, где мы стоим, деревья все фруктовые, но даже вишни не начинают еще краснеть. Нам приносят вишни привозные из Гиляни и других жарких мест, уже переспелые, а также зрелые персики. Осмотр окрестностей, рыбная ловля местами и т. п. дополняли досужные часы наших дней; музыка, певчие, песельники, при освещении деревьев, занимают вечера, но ничто не наполняет бездействия нашей жизни. Желание видеть новую страну с ее обычаями, нравами жителей и пр. удовлетворено. После знакомства с Грузией Персия представляет мало нового. Вместо ожидаемого богатства Востока, азиатской роскоши видим бедность, безвкусие, невежество. Скучно ста-

ло, хочется домой, а мы еще не добрались до цели нашего путешествия и подвигаемся очень медленно. Для постоянных занятий нет удобств, служебных занятий мало. Общество чиновников посольства, при дружеских между собою отношениях, конечно, не оставляет ничего желать лучшего; но, непрерывно находясь вместе, приходится иногда чувствовать потребность разнообразия.

19 июня перешли верст 25 в сел. Верзаган, где местоположение еще лучше. Мы опять стоим в фруктовом саду, довольно правильном; плоды здесь тоже зелены. Здесь жил Сады-хан, сражавшийся против нынешнего шаха при вступлении его на престол, был разбит и бежал к нам. Чрез несколько времени шах предложил ему возвратиться, обещая забыть прошедшее и быть ему приятелем. Сады-хан поверил и по приезде был заложен живой в стену, где успел объесть себе руки прежде смерти. В селении есть обрушивающиеся стены крепостцы и в некотором отдалении, на возвышенности, развалины другого укрепления. Большая часть здешних построек выделяется из грязи, но при вязкоглинистой почве и сухости климата держится довольно прочно.

Верст за 7 от селения встретил бек, начальник двухсот деревень, т. е. имеющий разрешение правительства грабить и разорять жителей, набивая карманы свои и своих покровителей. Ближе к селению ожидали плясуны и пустились плясать по дороге, но им приказано прийти в лагерь. Они одеты еще хуже эриванских и, конечно, менее искусны. 23 июня, пройдя верст 35, остановились у сел. Аванлык. Здесь уже много известных ядовитостью мианских клопов, от укушения которых, говорят, месяца два надо пить воду с сахаром, не употребляя ничего кислого и даже малосоляного, и будто нехорошо излечившиеся чувствуют всю жизнь судороги. Жители, однако, не подвергаются никаким припадкам, хотя в Миане, где клопы считаются самыми опасными, глиняные стены домов ими усеяны, и, конечно, они не щадят своих хозяев. У нас никакие ядовитые гады никого не укусили, хотя ежедневно бьют по несколько фаланг, скорпионов и тарантулов. Однако из предосторожности от клопов лагерь наш разбит чрез реку от их столицы. В Миане есть лавки с товарами и делаются небольшие ковры из верблюжьей шерсти, лучшие в своем роде в Персии, обыкновенная цена которых 4 червонца, мы же платили по 6 и более.

За Мианой на трех речках Шагри-чай, Каранглы и Сей-догмудж, из коих две последние имеют соленую воду, мост на 23 арках, по преданию, построенный при Аббасе Великом. От Мианы начинается шоссе, верст на 15 до моста на р. Кизил-озене, называемое дорогой Аббаса Великого. Верстах в 25 от Мианы караван-сарай Джемалабад, построенный 200 лет назад, и мост—около 150 лет назад. Далее верстах в 20 караван-сарай Сарчам, построенный за 500 лет. Так, по крайней мере, гласят предания об этих постройках. 30 июня прибыли в гор. Зенган, до которого от Тавриза около 300 верст.

В Зенгане местопребывание одного из 70 сыновей шаха Абдуллы-мирзы. Визирь его с несколькими чиновниками встретил посла при въез-

ных, причем сыновья его стоят там же, где сидит он, а министры сажени $1\frac{1}{2}$ ниже. Третья комната зеркальная: вершковые кусочки зеркал перемешаны с разноцветными стеклами такой же величины. Остальные покои, в особенности помещения жен, ужасны. Вообще этот дворец шаха гораздо хуже летнего дворца наследника его в Уджане. Вокруг дворца, у подошвы кургана, располагаются палатки сыновей шаха и сановников, а в равнине домики для гаремов наследника и Мирзы Шефи, первого министра. Лагерь, составленный из раскиданных больших и малых палаток, представляет довольно хороший вид. До сих пор нам не удавалось видеть у персиян ничего хорошего, кроме ширазского вина и больших палаток, которые очень покойны и удобны. Снаружи палатка имеет вид холстинного домика, внутри которого комната из шелковой материи на двух и более столбах, отстоящих один от другого сажени на полторы. Говорят, у шаха есть палатка о 14 столбах. Кругом внутренней комнаты, под верхним наметом, коридор для помещения прислуги и выючных сундуков. Иногда вырывают под наметом, с переднего входа, бассейн, наливаемый водою для освежения воздуха. Бока палаток поднимаются в жаркое время и плотно закрываются в холодное. Солнце в них не пропекает, ветер освежает, и они достаточно защищают от холода в период лагерного стояния.

15 июля отправленные в Султанию для занятия места под лагерь посольства не нашли палаток, не только для всех чиновников, но даже обещанные четыре намета под подарки не были еще приготовлены. Место, назначаемое для нашего лагеря, тесно и обставлено палатками персиян. О продовольствии квартирьеров наших, по обыкновению, никто из персиян не позаботился и вообще всегда, везде, во всем и обо всем до последней мелочи завязываются длинные переговоры с персидскими властями, доходящие нередко до высших сановников. 19 июля рано утром пушечный залп дал знать, что шах выезжает с последнего ночлега, бывшего в расстоянии одного агача (час верховой езды, считается 7 верст). Выстрелы делаются при выезде шаха на половине перехода и по прибытии на место. Со вторым залпом мы втроем отправились смотреть шествие его величества. Версты на три по обеим сторонам дороги растянута была регулярная пехота в одну шеренгу. Джебазы (регулярная гвардия) одеты и выучены хуже тавризских сарбазов Аббас-мирзы. Вьюки шли в полнейшем беспорядке, между ними небольшой слон с беседочкою на нем, в которую по временам садится шах. Музыканты, фальконеты на верблюдах и 18 орудий полевой артиллерии по европейскому образцу. При нашем приближении к шаху подъехал к нам зять его Алаяр-хан, спросил кто мы, что нам угодно, дал чиновника для сопровождения, а сам поскакал к шаху, от которого, тут же возвращаясь, кричал издали еще, что шах приказал показать нам конницу, и мы поехали за ним. Он останавливал всех встречных, и даже шах-заде (сыновья шаха) должны были ожидать нашего проезда. Кавалерия старшего сына шаха, Мегмет-Али-Мирзы, состоящая из куртинцев, отличается богатством одежд, красотою лошадей и уборов. Верблюды с фалько-

нетами маневрировали перед нами рысью и вскачь. Некоторые из них, по словам Алая-хана, быстрее самых быстрых лошадей. Взглянув на все, мы пустились к дворцу, куда прибыла уже артиллерия и приготовилась к пальбе. Шах приближался. Впереди вели 12 заводных лошадей, из коих у 8 серых выкрашены ноги и брюхо шафраном, которым пальцы и руки себе окрашивают знатные персияне. За ними шли 40 скороходов в синих и красных кафтанах, вышитых на груди и спине золотом, с подобием корон на головах вместо шапок. Видя поутру в лагере одного такого чудака, мы приняли его за шута, которые здесь в обыкновении. За скороходами ехал шах на выкрашенной же лошади, в шалевом халате. Убор лошади очень богат, но одежда казалась простою, хотя, без сомнения, дорогой цены. В нескольких саженьях за ним старшие чиновники и дети его. Когда шах поравнялся с нами, мы, привстав на стремена, сняли фуражки и кланялись ему, он, тоже приподнявшись, прокричал нам приветствие.

25 июля лагерь наш был готов, и посол назначил въезд свой в Султанню 26 числа, простояв в Саманархии 21 день. В два часа пополудни прибыли провожатые посла, и мы выступили. Музыканты и гренадеры наши, в парадной форме, ожидали на половине пути. Тут же встретил генерала вали курдистанский. С ним было тысячи две куртинцев, из которых отборнейшие джигитовали перед нами и ужасно пылили. Между ними, хотя и был беспорядок, но все не такой, как между персидской конницей, которой не было и тысячи. На переход менее десяти верст употреблено три часа. Проводя до лагеря, спутники наши отклонились, и над приемною палаткою посла взвился Русский орел. Вечером у нас играла музыка, собравшая толпы народа. После зари с церемонией и певчими флаг спущен. На другой день посол с несколькими чиновниками своей свиты был у первого министра Мирзы-Шефи. 31 июля первая аудиенция у шаха, на которую генерал ездил с 20 офицерами и, при представлении их поименно, шах говорил им приветствия. Через несколько дней назначена аудиенция для поднесения подарков. Около приемной шахской палатки разбита другая, куда перенесены все вещи, с нашим офицерским караулом, для парада. При вечернем рапорте шах приказал спросить, не нужно ли прибавить караульных от персиян, и кругом палатки положили спать 40 фарашей (служителей) одного около другого. К офицеру прикомандировали хана для доставления всего нужного.

3 августа персияне празднуют байрам. Весь июль у них пост, в продолжение коего они днем не должны ничего брать в рот, зато пируют целые ночи с музыкою, песнями и пр., продолжая это до новой луны. Вчера пост кончился и в первый день байрами поднесены подарки по следующей церемонии. Посол с чиновниками, еще не представлявшимися шаху, прибыл в подарочную палатку, откуда с советником посольства д. с. с. Негри, служащим в важных случаях переводчиком, отправился к шаху, который объявил ему, что по окончании молитвы придет смотреть подарки, ему приятные, как знак дружбы великого Российского императора и пр. Вслед почти за Алексеем Петровичем, возвратившимся

в подарочную палатку, пришел и шах, сопровождаемый сановниками и сыновьями, и часа полтора любовался вещами, по уходе его переданными персиянам. Более всего занимал его слон с часами, ход которых приводил в движение хобот и хвост слона.

Следующие дни посвящались визитам, приемам, обедам и конференциям с первым министром, а 16 августа посол с одним г. Негри был у шаха. 20 августа со всеми чиновниками обедал у великого визиря, а 21-го был опять у шаха. Будучи в этот день дежурным при генерале, я имел случай видеть смотр и перекличку конницы старшего сына шаха, Мегмет-Али-мирзы. Вид из дворца на стоявших под ружьем тысячи до пяти войска и на лагерь был довольно хорош. Когда шах вышел из приемной, мы осматривали трон, подушку и ковер, на которых он сидит, и кальян его. Камни велики, но вделаны в золото очень неискусно и не много чистых и без пороков. 22 августа перед дворцом большой фейерверк, загоревшийся вдруг, как в Тавризе. 25 августа осматривали шахские драгоценности, платья, оружия, короны, браслеты и прочие украшения. Везде камни чрезвычайной величины, многие прекрасной воды, но плохой отделки. Богатства неисчислимы. Вечером посол угощал вельмож персидских ужином, сладостями и фруктами. Освещение, музыка и, по отъезде гостей, наши балы между собою танцы и национальные пляски напоминали каждому другие места; но отсутствие дам возвращало к действительности. 26 августа генерал был у шаха и все эти дни вел переговоры с первым министром Мирзою Шефи.

По желанию шаха видеть наших гренадеров, они в полной форме, с ранцами и шинелями, представились ему, маршировали, делали ружейные приемы. Молодцы наши понравились. Их угостили конфетами и каждому выдали по 10 червонцев и куску парчи, а графу Самойлову, их представлявшему, дан персидский орден Льва и Солнца, шаль и парча. На следующий день присланы всем чиновникам посольства орден и подарки (по одной шали и по два куска парчи). 27 августа была прощальная аудиенция в той же палатке, где и прежде. Шах сидел на троне, весьма ласково говорил с послом, очень милостиво обращался к чиновникам, советовал служить верно обоим государям, обещал просить о награждении нас, наскзал тысячу любезностей. В одной из прежних аудиенций шах объявил послу, что их хотели посорить, представляя Алексея Петровича суровым, несговорчивым; но он, напрстив, нашел в нем человека великого, сумевшаго правдивостью своею укрепить дружбу двух монархов. А теперь, отпуская нас, сказал окружающим: «Смотрите, как посол полюбил меня: ему до слез жаль расставаться со мною», и при этом сам отирал глаза.

28 августа генерал прощался с сыновьями шаха и вельможами, а 29 числа мы пустились обратно. 30 августа дневали в Зенгане, празднуя день имени государя императора, и 9 сентября вступили в Тавриз. От Султанни до Тавриза около 350 верст. Сколько перемен температуры на этом расстоянии: в Султанни по утрам было холодно, от Зенгана до Мианы теплее, до Тавриза холодно, здесь опять теплее. Накануне вступ-

ления посольства в Тавриз я приехал туда для занятия квартир, и как по существующему в Персии порядку ничего не получалось, не вырывая из горла, то и тут пришлось доходить даже до первого министра его высочества наследника персидского престола, — и все-таки не с полным успехом. В этой суете встретил я французского полковника Мерше, одного из главных начальников регулярных войск Аббас-мирзы. Француз, рассказавший, что в Персии можно жить только потеряв Наполеона и отечество и что он сегодня выступает с батальоном для усмирения куртинцев, очень обязательно предложил посольству свой дом под построй. На другое утро в одном из отделений этого дома помещены священник с регентом певчих, чиновником 14-го класса. Проезжая потом мимо, на встречу генералу, я узнал, что француз ударил саблею регента, и как этот случай мог отнестись к моей неосмотрительности, то и не мог я оставаться равнодушным. Мне в голову не приходило, конечно, чтобы полковник, столь любезный накануне, мог позволить себе подобную дерзость. За него чуть было не поплатился попавшийся в дворе карабахский армянин, находившийся во французской службе, а теперь переводчик полковника. Оказалось, что регента ударил сам полковник, никак его не было уже в дворе, то мне оставалось только доложить о случившемся генералу, который послал к шах-заде с требованием удовлетворения и, не получив желаемого, позволил людям прибить француза, если он попадется. Через несколько времени входит полковник в комнаты, занимаемые Н. Н. Муравьевым и мною с товарищами, и не видя меня, своего знакомого, сказал: «Я думал, что у меня будут квартировать другие офицеры». Муравьев же, подходя к нему, спросил, не он ли наделал шум в его квартире и ударил солдата. «Я», — гордо отвечал полковник. «Вон отсюда, негодяй», крикнул Муравьев. Француз схватился за саблю, но Муравьев вырвал ее у него. Между тем вошел регент с певчими, кланяется и, говоря: «Вы меня поздравили с приездом, а я поздравляю вас с отъездом», протянул француза через лоб нагайкой. Люди подхватили и началось побоище. Надо было уже сдерживать расходившихся. Напомнив таким образом огошение французов в России в 1812 году, выбросили полковника на улицу. Собравшиеся там персияне спокойно смотрели на это, а упомянутый армянин рассказывал, что он предупреждал полковника, чтобы тот был осторожнее и не позволял себе с русскими ни малейшей дерзости. Торжествующий же регент утверждал, что он и прежде расправился бы с французом, если бы не опасался гнева генерала. Муравьев отнес саблю полковника к Алексею Пестровичу, который отослал ее к Аббас-мирзе с уведомлением, что как обиженным не было дано удовлетворения, то солдаты сами наказали обидчика. Шах-заде прислал доложить послу, что вчера приказано было полковнику выступить из Тавриза; не исполнив того, он поступил против воинской дисциплины и вдобавок осмелился обнажить саблю на дорогах гостей шаха; ему подтверждено потом немедленно оставить город, а он решился на новую дерзость; за все это его высочество исключает француза из своей службы и потому не принимает сабли. Вскоре после урока полковнику

пришли к нам три французских офицера, его отыскивавшие, и, узнав о происшедшем, сильно смутились, просили не считать их причастными поступку их начальника, извинялись и за себя и за него и, видимо, опасались, чтобы зауряд не досталось и им.

10 сентября генерал с штаб-офицерами был у шах-заде. Из Тавриза отправляют Ренненкампа, Воейкова и меня чрез Карабах в Тифлис для снятия и описания этой дороги. Мы выехали 13 сентября и работы наши должны производить так, чтобы проводники их не заметили.

От Тавриза до сел. Джога верст 70, откуда до гор Агара до 50 верст. Перед городом встретили посланные от хана проводить нас в квартиру, где принял султан, хозяин дома и ханский чиновник. Вслед за тем хан прислал поднос с фруктами и приглашение на ужин. Мы согласились и были приняты очень приветливо. В городе один ханский дом, о двух этажах, имеет порядочную наружность. За городом большая хорошая мечеть, но хуже султаньейской; у ворот ее две большие синие колонны. Город довольно велик, базар изрядный и опрятный. На следующее утро хан опять приглашал нас на завтрак, но мы отказались, и угощение прислано к нам на дом. 15 сентября мы отправились далее, не встречая ничего замечательного до нашей крепости Шуши, где нашли 9-й егерский полк и грузинских знакомых.

Не доезжая с версту до Елисаветполя, у самой дороги, старая небольшая мечеть. Она не поддерживается, но видно, что была отделана хорошо. Город невелик, крепость довольно обширная и в хорошем порядке. По выезде из Елисаветполя открывается шамхорский столп, замечательный толщиною своею при значительной высоте: окружность его основания имеет не более десять шагов.

1 октября прибыли мы в Тифлис. Алексей Петрович еще не возвратился. Его ожидают 10 числа.

Неполные полгода пробыли мы в этом путешествии, но Персия так надоела, что Тифлис мог показаться обетованной землей. Здесь встретил я пансионского моего соученика Талызина, который был потом адъютантом Алексея Петровича и пользовался большою его доверенностью. Тифлис начинает перерождаться в европейскую столицу. В нем идут перестройки и площадь отделяется прекрасно.

Маршрут от Шуши до Тифлиса.

Шах-булах 40 в., Тертер 35 в., Зей 23 в., Курак-чай 22 в., Елисаветполь 19 в., Шамхор 25 в., Загам 28 в., Тауз 17 в., Гассан-су 16 в., Акстафа 12 в., Салаглы 19 в., Демирчасалы 24 в., Соганлуг 28 в., Тифлис 12½ в. Всего 320½ в.

ԳԵԿԱՐՐԻՍՏ Ե. Ե. ԼԱՉԻՆՈՎԻ ՆՈԹԵՐԸ Ա. Պ. ԵՐՄՈՒՈՎԻ ԳԵՊԻ
ԻՐԱՆ ԿԱՏԱՐԱԾ ՀԱՆԱՊԱՐՀՈՐԳՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ (1817 թ.)

Պրոֆ. Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ո Վ մ)

Ինչպես հայտնի է, Կովկասի ուսական բանակի հրամանատար գեներալ Ա. Պ. Երմուովը մեծ շքախմբով, 1817 թ. առեւտրի Իրանի Շքախմբի անդամներից մեկը՝ երիտասարդ սպա, ապագա ղեկավարիստ Ե. Ե. Լաչինովը կազմել է հռչակավոր գեներալի ճանապարհորդության օրագիրը, սակայն, սրան օրս չի հրատարակվել: Լաչինովի հրապարակվող այս դրառումները հետաքրքիր տեղեկություններ են պարունակում Հայաստանի, Ադրբեջանի և Իրանի բազմաթիվ քաղաքների ու գյուղերի մասին, բնակչության սովորույթների, ժողովրդի ծանր դրության, պարսեական վարչաձևի, շահի պալատների ու զորքերի և այլ հարցերի վերաբերյալ: